

УДК: 94(47)

DOI: 10.25629/НС.2022.07.09

«РАТИ ЖЕ НАЛЕЖАЩИ И ТРУБЕ ВОИНЬСТЪЙ ТРУБЯЩИ»: МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Часовитина О.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация В статье рассматривается история военной музыки Древней Руси домонгольского периода. На материале древнерусских летописей и памятников книжности, рассматриваемом в сравнении с известиями зарубежных хроник, выявляются основные этапы развития музыкальной культуры в военной сфере.

Ключевые слова: Древняя Русь, домонгольский период, военная музыка, музыкальные инструменты.

Введение в проблему

При изучении древнерусской воинской культуры выявляется её тесная связь с музыкой. Музыкальные инструменты и исполняемые на них мелодии играли значительную роль в древнерусском военном деле, как и в европейской средневековой воинской культуре в целом [55, С. 94; 56, С. 142-160; 26, С. 72-76].

Музыкальные инструменты составили часть воинской культуры благодаря семиотической функции музыки. Средневековая европейская традиция военной музыки вобрала в себя исторические традиции германских и кельтских племен и наследие древних цивилизаций Ближнего Востока и Средиземноморья [92, С. 231-239, 251]. В Древнем Египте военная музыка фиксируется источниками с эпохи Нового царства [13, С. 186-187]. В Ветхом завете встречаются упоминания применения древними евреями музыкальных инструментов в ходе военных кампаний [30, С. 18-19, 119, 138-139, 159-160]. Существовала военная музыка в античной Греции, в древнем Риме и Римской империи, а затем и в Византии [10, С. 222, 234-247; 3, С. 60-70; 102, С. 123-163; 99, С. 85-97; 103, С. 100-102]. Переводы библейских книг и переписывание римских военных трактатов способствовали сохранению традиций и возникновению определенной культурной преемственности в области военной музыки [32, С. 227-229; 94, С. 325-332].

Краткий обзор литературы

Начало изучению роли музыкальных инструментов в военной истории древней Руси было положено в XIX в. Ещё Н.М. Карамзин обратил внимание на летописное упоминание использования “трубного звука” Претичем, воеводой князя Святослава Игоревича, для введения в заблуждение неприятеля, решившего, что сигнал сообщает о прибытии княжеского войска самого Святослава [24, С. 128].

А.В. Висковатов провёл специальное исследование рассматриваемой темы. Обращаясь к истории военной музыки, автор указал на непрерывность традиции, прослеженной им от междоусобицы 6659 (1151) г., и при этом подчеркнул давность бытования музыкальных инструментов у славян, о чем сохранились упоминания с VI в. Историк отметил устойчивость состава военных музыкальных инструментов, постепенно расширявшегося от труб, а затем труб и бубнов, до труб, бубнов, сурн и сопелей [7, С. 103-104].

М.П. Погодин вслед за А.В. Висковатовым также коснулся истории применения военной музыки. Перечисляя летописные упоминания военных музыкальных инструментов в 6659 (1150) – 6724 (1216) гг., – отрезок периода развитого феодализма от междоусобной борьбы за Киев до Липицкой битвы, – автор отметил, что трубы и бубны неоднократно упоминаются как находящиеся “в полку”, то есть в войске [52, С. 267].

Исследователь древнерусской книжности А.С. Орлов уделил внимание упоминаниям музыки в воинских повестях. Перечисляя средства литературной выразительности, филолог выделил в отдельный вид устойчивых формул упоминания военного применения труб. Отмечая высокую частотность таких формул, автор привел встречающиеся в источниках IX–XVI вв. значения сигналов труб: для устрашения неприятелей, при сборе и выступлении войска, при нападении, для выражения радости [45, С. 24–26].

В советской историографии военная музыка исследовалась в контексте истории музыки и музыкальной культуры.

Н.Ф. Финдейзен, в частности, обратился к военному применению музыкальных инструментов. Рассматривая письменные свидетельства, автор высказал предположение, что труба, бубны, а также сурны составляли необходимую принадлежность русского войска с древних времен. Н.Ф. Финдейзен привел и разнообразные средневековые изобразительные источники, дающие представление о внешнем виде и применении упомянутых музыкальных инструментов, в том числе фрески XII в. Дмитриевского собора во Владимире [73].

М.Г. Рабинович в статье «Музыкальные инструменты в войске Древней Руси и народные музыкальные инструменты» описал область музыкальной культуры средневековой Руси, связанную с военным делом. Автор проследил историю военной музыки до XV в. По его предположению, основное назначение музыкальных инструментов состояло в подаче боевых сигналов. Историк подчеркивает традиционность их применения, отразившуюся в характеристике курян в тексте «Слова о полку Игореве» [56, С. 142–160].

Ф.Д. Гуревич в статье «Изображения музыкантов древней Руси», произвел опыт сопоставления изобразительных источников и некоторых летописных музыкальных инструментов, в том числе бубнов [14, С. 276–280].

В современной историографии продолжают исследования в области истории музыкальных инструментов, затрагивающие, в том числе, военную музыкальную культуру.

Так, В.И. Поветкин в статье «Музыкальные инструменты» сборника «Археология. Древняя Русь. Быт и культура» вкратце описал историю изучения древнерусской музыки и представил развитие музыкальной культуры на Руси в свете комплексного источниковедческого подхода к археологическим объектам, уделив внимание бытованию и атрибуции летописных музыкальных инструментов, сопелей и бубнов [51, С. 179–185].

Обзоры истории применения музыкальных инструментов в военном деле содержатся в статьях Н.С. Еремина и А.Е. Клименко, посвященных специальному изучению русской истории военных духовых инструментов [19; 28, С. 11–17].

В настоящее время исследователями выявлено значительное количество письменных источников, дополняемых археологическими данными и данными изобразительных источников, относящихся к древнерусской военной музыке и музыкальным инструментам.

В обширной зарубежной историографии, посвященной изучению музыкальных инструментов в контексте средневековой военной и воинской культуры, заслуживает внимания статья Г. Дж. Фармера «Военная музыка крестовых походов», в которой автор описал разнообразие музыкальных инструментов, использовавшихся в христианских и сарацинских армиях в эпоху Крестовых походов [93, С. 243–249]. Важные наблюдения о сочетаниях музыкальных инструментов, упоминаемых в средневековых европейских письменных источниках, сделаны Дж.С. Бедбруком в статье «Проблема инструментальных сочетаний в Средние века» [84, С. 53–67]. Данные исследования дополняют сведения источников о военной музыке древней Руси, позволяя очертить и рассмотреть поле общеевропейской военно-музыкальной культуры.

Музыка военных событий в Повести временных лет

Первое летописное известие о звучании музыкальных инструментов во время войны содержится в Повести временных лет, летописном своде второго десятилетия XII в. [11, С. 37–63]. Оно повествует о переправе военного подкрепления, возглавленного воеводой Претичем, с противоположного осажденному печенегами Киеву берега Днепра в 6476 (968) г.:

“Яко бысть заутра всѣдше в лодыи противу свѣту и вѣструбиша вельми и людье в градѣ кликнуша” [50, С. 32; 24, С. 203; 56, С. 144-145].

Печенеги восприняли сигнал как знак подхода значительной армии [56, С. 145]. Ко времени составления Повести рассказ об этом событии, по-видимому, сделался легендарным.

Упоминания воевод в X-XI вв. редки. По предположению А. А. Горского, при каждом князе в этот период был один воевода [12, С. 57-58]. Поскольку князь Святослав в указанное время находился вдали от русских земель в Переяславце, и вероятно, что его сопровождал воевода Свенельд, необходимостью защиты Киева в их отсутствие может быть объяснено именование Претича воеводой. Упоминание статуса воеводы в летописном тексте подчеркивает иерархичность и организованность военного отряда.

Приведенная военная хитрость во многом напоминает сюжеты о применении военных труб для введения противника в заблуждение, изложенные Секстом Юлием Фронтинум в сборнике о применении военных хитростей «Стратегемы», составленном в I в. н. э. Фронтин писал о применении труб для создания ложного впечатления о значительной численности армии, или для создания у противника неверного впечатления о направлении атаки [76, С. 68, 90, 99, 115-117]. Конечно, представления о подобных военных уловках сохранялись не только в письменных источниках, но и в исторической памяти населения, а также передавались через военный опыт. Контекст появления войска перед городом косвенно указывает на практику применения труб в походах и при приближении к лагерю неприятеля.

В погодной статье 6576 (1068) г., описывающей события через столетие после упомянутых только что, в Повести упоминаются трубы. Статья содержит разнородные сюжеты, включая известие о приходе половцев, и содержащее церковно-дидактические идеи поучение «Наводить Богъ по гнѣву своему...» («Поучение о казнях Божьих»). Поучение говорит о жизни христиан, как наполненной языческими соблазнами или дьявольскими прельщениями:

“Но сими дьяволъ лститъ и другими нравы, всячьскими лестьми превабля ны от Бога, трубами и скоморохы, гуслими и русальи. Видим бо игрища утолочена, и людии много множество на нихъ, яко упихати начнуть друг друга, позоры дѣюще от бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается в церкви” [50, С. 74].

Последнее действо, – напоминающее потешные бои, – охарактеризовано как отвлекающее от посещения церквей. По-видимому, упоминание в поучении труб, скоморохов и, условно говоря, «потешных боев» непосредственно перед утверждением “Да сего ради казни приемлем от Бога всячския и нахоженье ратных по Божью повелѣнью, приемлем казнь грѣхъ ради нашихъ” [50, С. 74] и последующим возвращением к описанию военных событий несет в себе риторическое противопоставление, приглушенное пространным перечислением повседневных суеверий и отклонений от христианской морали. Как отмечает Д. А. Добровольский, примечательный контраст Поучению о казнях Божьих составляет содержание погодной статьи 6619 (1111) г., описывающее религиозные церемонии, совершаемые князьями с дружинами по мере продвижения навстречу половецким военным силам [18, С. 144-154].

Исследуя текст поучения, А. А. Шахматов пришел к выводу, что в его основу легло переработанное «Слово о ведре и о казнях божьих», содержащееся в «Златоструе», – известном на Руси болгарском сборнике текстов, основу которого составили сочинения Иоанна Златоуста [80, С. 104-111; 75, С. 187-190]. В частности, выше отмеченное описание “игрищ” самостоятельно введено в текст летописцем, а упоминания труб и гуслей – заимствованы из «Слова», в то время как “свирѣльми” было исключено летописцем при заимствовании по неясной причине. В целом поучение косвенно подтверждает распространение на Руси музыки, исполняемой на трубах [73, С. 69].

В XI в. традиция употребления труб во время военных действий на Руси становится темой для размышлений игумена Феодосия Печерского, одного из основателей Киево-Печерского монастыря [69, С. 457-459; 25, С. 420-428]. Феодосий Печерский в «Поучении о терпении и милостыни» сравнивает звуки военной трубы и звуки церковного била, созывающего монахов

на богослужение. В тексте подчеркнуто мотивирующее и побудительное, даже буквально пробуждающее ото сна, воздействие звучания военных музыкальных инструментов: “Рати же належащи и трубе воиньстѣй трубящи, никто же может спати, и воину Христову лѣпо ли есть лѣнитися, – да егда они за тшую славу и изгыбающую не помнят ни жены ни дѣтей ни имѣнїа – да что мню имѣнїе, еже есть хуже всего, – но и главы своєа ни въ что же помнят, да бы имъ непосрамленом быти. Да яко же суть сами врѣменнїи, тако и слава их съ животом скончєваєтєся” [19, С. 177]. Как предполагает Н.А. Демина, в поучении нашло выражение воинское самосознание Феодосия Печерского [16, С. 16-17]. Нестор, составитель «Жития преподобного Феодосия», повествует о том, что юный Феодосий был отроком в Курске, то есть служил в дружине, но не упоминает о его непосредственном участии в военных действиях [69, С. 78-79; 66, С. 225; 61, С. 7-14; 12, С. 238]. Лапидарность упоминания “рати” не позволяет точно определить назначение упомянутых сигналов. Можно предположить, что названы сигналы, звучавшие перед выходом в поход, либо звуки трубы перед началом сражения.

Помимо письменных свидетельств, среди росписей храма Софии Киевской сохранилось древнерусское изображение музыкантов с трубами, датированное XI в. По мнению исследователей И.Ф. Тоцкой и А.М. Заярузного, длина подобных труб в натуре оценивается примерно 1 м и 80 см, с диаметром раструба 11 см [71, С. 144, 147-149].

Немногочисленные древнерусские свидетельства применения труб в X –начале XII вв. целесообразно сопоставить с известиями о трубах и других музыкальных инструментах в военном деле соседних государств Европы этого времени.

Применение труб характерно для военного дела Византии. Предписание об использовании военных труб (βοῦκινον и τοῦβα) приводится уже в «Стратегиконе Маврикия», – военном трактате VII в. В частности, Маврикий рекомендует в зависимости от обстоятельств применять небольшое количество труб, – от одной до трех [67, С. 96, 101, 102, 212, 219, 223]. Позднее трубы вновь упоминаются в «Тактике» императора Льва, датируемой X в. [37, С. 148, 198-199]. В тексте одной из военных речей Константина Багрянородного встречаем подтверждение тому, что звуками труб в X в. подавались военные сигналы в византийской армии [82, С. 399; 31, С. 155; 97]. Греческое обозначение трубы σαλλιγῆς, по мнению А. Бюхлера, в византийских письменных источниках могло относиться к духовым инструментам разной формы, а также и к рогу [86, С. 23-60; 31, С. 153-155; 23, С. 109, 179, 212]. Также, по мнению В.В. Кучмы, хотя Маврикий последовательно различал βοῦκινον и τοῦβα, позднее Лев VI уже не усматривал существенной разницы между этими духовыми инструментами [37, С. 148].

В историческом сочинении Анны Комнины «Алексиада», описывающем события 1056–1118 гг., неоднократно упоминаются случаи, когда в византийском войске трубы играли перед сражением. Упоминается также применяющийся для оповещения лагеря тимпан. Большое число труб и барабанов в войске Мануила Вотумита Анна объясняет целью Алексея I создать впечатление большого войска. Труба упоминается и в войске Боэмунда [4, С. 146-151; 1, С. 64, 205, 222, 225, 236, 296, 297, 301].

Внимания заслуживает и легендарного характера история о военных музыкальных инструментах, содержащаяся в латиноязычной Новалезской хронике, одной из местных хроник Италии [22, С. 101; 92, С. 233]. Новалезская хроника посвящена истории Новалезского аббатства, основанного в 726 г. на Апеннинском полуострове, и датируется первой половиной XI в.

Предание повествует о походе Карла Великого в Лангобардию в 773 г. Согласно сюжету, на сторону франков перешел лангобардский жонглер (joculator). Когда звук трубы собрал утром войско Карла Великого (“tuba convocatus omnis regis exercitus”) для того, чтобы продолжить путь через горную местность Мон-Сени после ночлега, музыкант провел всех через горный проход. Король франков согласился дать в награду жонглеру власть надо всем в пределах слышимости, когда тот с сильным шумом протрубит в рог (“et tubam fortifer personabo corpeam”) с одной из гор. Жонглер произвел условленное действие с небольшой горы или холма, и затем обошел селения и пахотные земли, устанавливая свои сеньориальные права над слышавшими трубный звук поселянами [88, С. 180-181; 44].

Латинским термином *joculator*, который традиционно переводится словом «жонглер», в Средние века обозначались различные социальные группы музыкантов, певцов и сочинителей, и некоторых других артистов [91, Т. 4, Col. 422; 5, С. 112-114; 59, С. 40-62]. Жонглеры могли состоять в свитах знатных правителей и при войске [98, С. 53-54, 74-75].

Мотив получения права владения участком земли с помощью уловки имеет сходство с известным в Средние века античным преданием об основании Карфагена правительницей Дидоной [47, С. 231-232]. В упоминаемом хронистом случае, по-видимому, уловка состояла в том, что наименьшая награда, которую мог получить жонглер по условию – право охоты в окрестностях одной из гор, но условие пожалования допускало и другие варианты толкования в зависимости от способа выполнения. Вся история о военном походе Карла Великого и музыканте приобретает характер героического сказания [35].

Из музыкальных инструментов в нарративном источнике упоминаются созывающая войско труба (*tuba*) и рог (*cornu*, *cornum*), в который предлагает весьма звучно протрубить (*tubam*) жонглер.

К сожалению, латинская лексика средневековых хроник дает лишь приблизительное представление о средневековых музыкальных инструментах, тем более что реалии древнеримской повседневности были доступны хронистам преимущественно в текстах и воображении. До определенной степени можно восстановить историко-культурный контекст, связанный с употребляемыми в текстах хроник словами.

В античном военном деле под трубой *tuba*, *pl. tubis*, как предполагают исследователи, понимался духовой инструмент, или аэрофон, с низким звуком [3, С. 60-63; 57, С. 1418; 99, С. 89]. У Исидора Севильского, авторитетного латинского автора VII в., составителя «Этимологий», о трубах говорится так:

“Труба (*tuba*) впервые изобретена этрусками, о чем [пишет] Вергилий: Ревом тирренской трубы огласился неба просторы (*Verg., Aen., VIII, 526*).

Употребляются же они не только в битвах, но и во все праздничные дни из-за блеска прославления и веселья” [21, С. 136].

Согласно исследованию А. Бюхлера, в Византийской империи заимствованный термин *tuba* постепенно изменил свое значение и мог применяться для обозначения различных духовых инструментов, а затем почти вышел из употребления [86, С. 28].

Словом *cornu* (рог) в античном военном деле обозначался изогнутый металлический духовой инструмент. Этот рог имел, по предположению А. В. Банникова, высокое пронзительное звучание [3, С. 62-63; 57, С. 890].

Заслуживают внимания известия о применении труб при осаде Антиохии в 1097 г. крестоносцами, участвовавшими в Первом крестовом походе. В «Иерусалимской истории» Фульхерия Шартрского этот момент осады описан так: “Когда турки увидели, что наверху заалел красный флаг Боэмунда, что повсюду началась страшная суматоха, что трубы франков сигналят с вершины стены, а сами они с обнаженными мечами носятся по улицам и беспощадно расправляются с жителями, то, потрясенные всем этим, начали метаться из стороны в сторону; некоторые из них смогли укрыться в цитадели, располагавшейся на высокой скале” [77, С. 73].

Здесь музыка знаменует достижение успеха – взятие городской стены.

По свидетельству анонимной хроники «Деяния франков», в том же году при осаде Мары (г. Маарат ан-Нуман) использовалась передвижная осадная башня, на которой находились военный отряд и громко игравший на трубе Эвард или Эверард Венатор, то есть с прозвищем «охотник», «зверолов»:

“*Quod castrum ingeniatum et aedificatum erat super quatuor rotas, super quod stabant plures milites et Euardus venator, tubam fortiter sonans...*” [17, С. 196; 83, С. 76; 81].

По предположению Г.Дж. Фармера, трубивший во время штурма Эверард в мирное время играл на роге, участвуя в охотничьих ловах [93, С. 243-249].

В Чешской хронике Козьмы Пражского также встречаются упоминания военных музыкальных инструментов.

Так, под 1002 г. Козьма Пражский пишет о военной хитрости князя Ольдржиха:

“В то время, когда Христос обратил уже свое внимание на чехов и св. Вацлав стал оказывать им помощь, князь Ольдржих вернулся на родину. Нам неизвестно, бежал ли он тайно, или был освобожден по приказу императора. Ольдржих вступил в сильно укрепленный град Држевице и оттуда послал преданного себе воина в Прагу, велел ему по прибытии туда внезапно среди ночи затрубить в рог (*per nocte clangore bucine*) и тем устроить испуг врага. Верный слуга немедленно исполнил приказание: поднявшись ночью на возвышенное место среди града, которое называется Жижи, он протрубил (“*tuba intonat*”) и громким голосом неоднократно прокричал:

“Поляки бегут в постыдном смятенье; нападайте же, чехи, бросайтесь в сражение”. При этих словах ужас и страх охватили поляков.” [90, С. 64; 29, С. 90].

Козьма Пражский употребляет выражения “*clangore bucine*” и “*tuba intonat*”. По-видимому, внимание рассказчика сосредоточено не только на инструменте, но и на его звучании и извлечении звука. В античном военном деле словом *bucina* обозначался изогнутый металлический духовой инструмент, употреблявшийся в пехоте, и у несших стражу часовых [57, С. 223-224]. «Бущину» и рог (*cornu*), по мнению А. В. Банникова, смешивает в своем трактате Флавий Вегетий Ренат [3, С. 63]. Работа Вегетия о военном деле была популярна в Средние века [32, С. 227-229; 39, с. 257-259; 2, С. 172-180].

Другое упоминание военной музыки у Козьмы Пражского помещено под 1109 г. и относится к риторическому приему сравнения:

“Подобно тому, как громкая труба сзывает на войну воинов (*quasi tuba vehemens, que ad bella milites concitat*), так слова князя разбудили оцепеневшие души его [людей]” [90, С. 207; 29, С. 217].

Козьма Пражский здесь пишет о речи, которую произнес князь Владислав, получив вести о походе на Чехию Болеслава III Кривоустого.

Упоминания о применении военных труб в первом десятилетии XII в. содержатся также в сочинении Галла Анонима «Хроника и деяния князей или правителей польских». Так, при описании осады Глогова в 1109 г. Галл Аноним повествует о трубах в войске Священной Римской империи “После этих слов император приказал готовить орудия, братья за оружие, разделить войско на легионы, окружить город валом, знаменосцам трубить в трубы (*signiferos (prefici) tubis canere prescripserit*) и отовсюду начал осаждать город железом, пламенем, орудиями” [8, С. 361-362; 96, С. 135]. В известии речь идет о короле Германии Генрихе V, вскоре ставшем императором Священной Римской империи [46, С. 48].

Далее, описывая поход Болеслава III Кривоустого на Чехию в 1110 г., Галл Аноним пишет: “После того как Болеслав наконец с таким трудом вторгся в Чехию, он не стал, подобно хищному волку, опустошать её, как чехи Польшу, но, подняв знамена, под звуки труб, с построеными в ряды полками, с громкими тимпанами, не спеша, шёл по открытым равнинам Чехии и искал сражения, не находя его, и не столько желал добычи и пожаров, сколько стремился положить конец самой войне (...*immo vexillis erectis, tubis canentibus, agminibus ordinatis, tympanis resonantibus, paulatim per campos Bohemie patentis, bellum querens et non inveniens, incedebat, nec predam, nec incendia prius, quam finem bello fieri, cupiebat*)” [8, С. 370; 96, С. 146]. Об этом походе, как отмечалось выше, сообщает и Козьма Пражский. Болеслав III был союзником киевского князя Святополка Изяславича и в 1103 г. заключил брак с его дочерью Сбыславой [46, С. 46-48; 43, С. 560; 95, С. 24-25, 51-52, 83].

В обоих случаях Галл Аноним упоминает *tubis*, трубы.

Отдельно следует отметить упомянутые Галлом Анонимом в повествовании о походе польского войска в Чехию тимпаны «*tympanis*» – происходит усложнение состава военных музыкальных инструментов в обстановке похода за счет добавления ударных. Тимпан также описан в упоминавшихся ранее «Этимологиях» Исидора Севильского:

“Тимпан (*tympanum*) есть шкура или кожа, натянутая на дерево с одной стороны. Он ведь есть половина симфонии, наподобие решета. Тимпаном же назван, поскольку он средний, откуда и средний [по качеству] жемчуг называется тимпаном, и в него самого, как и в симфонию, бьют палочкой” [21, С. 138].

Как видим, приведенные известия латиноязычных хроник, как и древнерусские источники малочисленны и обладают малой репрезентативностью. Тем не менее, в текстах выделяются сходные характеристики. Так, польские и чешские известия и известие русской летописи под 968 г. упоминают духовые музыкальные инструменты в связи с крупными военными конфликтами. Заметно сходство известия Повести временных лет под 6476 (968) г. как с описанной чешским хронистом Козьмой Пражским под 1002 г. военной уловкой князя Ольдржиха, так и с некоторыми стратагемами из второй книги упомянутого выше сборника о военных хитростях Секста Юлия Фронтиня «Стратегемы» [76]. Представленная в известии Повести практика применения труб в походах и для воздействия на неприятеля также упоминается и в латиноязычных хрониках. Число музыкантов в текстах различается от одного до нескольких. Одно из известий польской хроники выделяется упоминанием сочетания духовых и ударных инструментов.

Сравнение древнерусских источников с византийскими показывает более глубокое теоретическое обоснование регулярного применения военной музыки в Византии. Исследователи также отмечают постепенный переход от строгой номенклатуры духовых инструментов в византийском войске к произвольной.

Короткое упоминание звуков трубы перед «ратью» в «Поучении» Феодосия Печерского может рассматриваться и как параллель наставлениям, включенным в византийские военные трактаты, и как параллель известию Чешской хроники под 1109 г. и сообщениям хроники Галла Анонима.

Рассмотренные известия Повести временных лет и свидетельство преподобного Феодосия Печерского допускают предположение о сходстве в культуре военной музыки на Руси, в Византийской империи, в германских и итальянских землях Священной Римской империи, Чехии и Польше в X – начале XII вв., подобно другим сходным элементам в воинской культуре этнополитических образований Центральной и Восточной Европы того времени [66, С. 268-303]. Косвенно об этом говорят и позднейшие древнерусские данные о музыкальных инструментах в военном деле.

Музыка в военном деле древней Руси в летописании и памятниках книжности XII – начала XIII вв.

Следующий после составления Повести временных лет период развития русского летописания сохранил многочисленные свидетельства применения музыки в военном деле. Распространенность военных музыкальных инструментов получила отражение и в памятниках книжности.

В Ипатьевской летописи в погодной статье 6658 (1150) г. говорится о звучании труб в Киеве перед сбором военных сил во время междоусобицы Изяслава Мстиславича и Юрия Владимировича Долгорукого: “Изяславъ же приеха въ Киевъ и тако оударя и оу трубы съзва Кияны и поиде ись Киева полкы своими противу Володимеру тако река се ми есть ближе к тому поиду переже” [54, Стб. 400; 60, С. 193-198; 24, С. 156; 64, С. 467].

Как видим, здесь звуки труб в городской среде связывается уже прямо с защитой города и земли, а не с городскими увеселениями, как в рассмотренном выше «Поучении о казнях Божьих».

Далее под 6658 (1150) г. встречаем в Ипатьевской летописи известие о том, что затрубили подошедшие к мосту на пути в Белгород войска князя Владимира Мстиславича, давая знать пировавшему с дружиной князю Борису Юрьевичу о начале военных действий против него:

“даче бы не мытник оустерегль и моста не переметаль то яли быша. и тако полци приехавше к мостку кликнуша въ трубы въструбиша” [54, Стб. 415; 60, С. 205-209; 24, С. 149; 64, С. 470-471; 45, С. 25].

Следует отметить, что упомянутое сочетание клича и звука труб должно было производить усиленное внушительное впечатление. И действительно, князь Борис оставил Белгород.

Под 6659 (1151) г. в Ипатьевской летописи содержится ритмизованное описание сборов и построения под звуки военной музыки перед сражением у рек Рут и Малый Рутец войска Юрия Долгорукого и войск Вячеслава Владимировича, Изяслава Мстиславича и Ростислава Мстиславича: “яко зоре почаша ся займати переже в Дюргя въ бубны в полку и въ трубы въструбиша полци же начаша доспевати тако же оу Вячслава и оу Изяслава и оу Ростислава почаша бити въ бубны и въ трубы трубити полци же начаша доспевати” [54, Стб. 436; 60, С. 211-222; 64, С. 477; 45, С. 25].

Здесь вместе с трубами уже упоминаются «бубны» – древнерусские ударные инструменты. По мнению исследователей, «бубнами» в Древней Руси называли инструменты, напоминающие барабан [51, С. 184-185; 56, С. 149]. Привлекает внимание и наличие самостоятельных групп военных музыкантов при отдельных княжеских дружинах.

И далее в Ипатьевской летописи под 6660 (1152) г. сообщается о бубнах в войске венгерского короля Гезы II, союзника Изяслава Мстиславича в походе против Владимирка Володаревича Галицкого:

“оутрии же днь король оударя оу бубны. и тако исполца полкы своя. поиде ко Изяславу и послав и ре(че) поеди съ своими полкы близь мое полку а где я стану ту же и ты стани. ать добро на о всемь гадати” [54, Стб. 447-448; 60, С. 237-243; 24, С. 156; 64, С. 483; 45, С. 25; 46, С. 170-171].

Трубы не раз упоминаются и в “Слове о полку Игореве”, описывающем события похода на половцев в 1185 г. [6, С. 61-63; 68, С. 435-437].

Так, в подражающих стилю Бояна строках: “комони ржуть за Сулою – звенить слава в Кыеве; трубы трубятъ в Новеграде, – стоять стязи в Путивле!”, – упоминание труб, играющих в Новгороде Северском, по-видимому указывает на обстановку выступления дружины в поход, то есть на сбор войска [63, С. 11].

Образное выражение “подъ трубами повити”, по мнению М.Г. Рабиновича, описывает курян как людей, с детства привыкших к военному быту, и говорит о распространенности труб в военной среде [63, С. 12; 56, С. 143].

Фраза “трубят трубы городеньские”, по предположению Р. Манна, входит составной частью в описание гибели Изяслава Васильковича на поле боя, усеянном телами павших дружинников [63, С. 24; 41, С. 514-519]. В таком случае можно предположить, что звучанием труб обозначалось завершение сражения, что косвенно подтверждается позднейшими источниками [27, С. 124].

В Московско-Академической летописи под 6724 (1216) г. дважды речь заходит о военной музыке. В этой части текст МАЛ близок тексту Софийской I летописи старшей редакции. Важно отметить, что список Московско-Академической летописи датирован концом XV в., и сообщения о трубах и бубнах в погодной статье 6724 (1216) г. не подкрепляются более ранней Новгородской I летописью [80, С. 222-230; 38, С. 96-115]. По этой причине к рассматриваемым двум известиям следует относиться с осторожностью.

Первое известие относится к описанию обстановки в лагерях князей за несколько дней до битвы при Липицах:

“тои ноци пополошилися стоящи за щиты всю ночь кликоша бо въ всехъ полцехъ и въстроубиша в княжих Константиновых полцехъ” [53, Ч. 3. Стб. 496; 24, С. 441; 64, С. 613].

И завершение описания Липицкой битвы: “се бо слава ею и хвала погыбе и полци силнии ни во что же быша бяша бо оу князя оу Юрья стяговъ ги (13) а троуб и боубновъ ξ (60) молвяхоу

бо и про Ярослава стяговъ оу него зі (17) а труобъ и боубновъ м (40)” [53, Ч. 3. Стб. 499; 24, С. 440; 64, С. 615].

В древнерусском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия содержится и термин “трубници”, которым обозначены музыканты древнеримского войска [45, С. 24-25; 70, С. 214-215; 42, С. 299].

От XIII в. сохранилось свидетельство зарубежного источника, рассказывающее о древнерусской военной музыке. В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского под 1218 г. в описании сражения войска ливонцев с русскими и эстами рассказывается, как после военных сигналов отступавшие прежде русские воины построились, и князя обходили войско, ободряя его перед битвой [9, С. 191, 382; 46, С. 231]:

Латинский текст «Хроники Ливонии»	Перевод С.А. Аннинского
Et congregaverunt in unum universum exercitum suum, et percusserunt tympanum et fistulas suas, et rex Woldemarus de Plescekowe cum rege Nogardie circueuntes exercitum confortabant eos ad pugnam.	Затем собрали вместе все свое войско, ударили в литавры, затрубили в свои дудки, и стали король псковский Владимир и король новгородский, обходя войско, ободряя его перед битвой.

Генрих Латвийский называет тимпаны (tympanum) и дудки (fistulas). Тимпаны, упоминавшиеся выше, можно предположительно соотнести с бубнами, известными по Ипатьевской летописи.

Fistula, согласно Исидору Севильскому, – пастушеский инструмент:

“Дудка (fistula), как одни полагают, была некогда изобретена Меркурием, а другие — Фавном, которого греки называют Паном; некоторые же считают, что Идасом, пастухом из Агригента в Сицилии. Названа же она дудкою, так как испускает голос. Ведь у греков голос называется φως, а “испущенный” – στολιά” [21, С. 136].

Дудки в общих чертах могут быть соотнесены с “сопелями” или “соплями”, – духовыми инструментами, известными по упоминаниям в древнерусских текстах [65, Т. 3. Стб. 463-464].

По мнению М.Г. Рабиновича, такое множество инструментов говорит о многочисленности войска [56, С. 144]. На многочисленность указывает и то, что князьям приходилось обходить войско при построении.

Известия письменных источников могут быть сопоставлены с изображениями и археологическими находками древнерусских музыкальных инструментов XII-XIII вв.

Трубы изображены на фреске со сценой Страшного суда в Дмитриевском соборе во Владимире. Фреска XII в. с двумя трубящими ангелами располагается на западном своде южного нефа, на северном склоне [49; 36, Илл. 166; 62, С. 66]. В церкви Спаса на Нередице XII в. в первой половине XX в. также сохранялось подобное изображение трубящих ангелов в сцене Страшного суда [48, С. 132-133].

В более позднем новгородском Микулином Евангелии, датированном серединой XIV в., инициал «Р» (рече) изображает играющего на трубе музыканта [34, С. 190-191, 194-195, 197].

Присутствие сюжетов с трубящими ангелами и людьми в украшении храмов и богослужебных книг свидетельствует о том, что звуки трубы в зависимости от контекста могли осмысливаться и как сакральные, и как аллегорические.

Две деревянные дудочки, атрибутированные как «сопели», обнаружены в Великом Новгороде в слоях XI – середины XII вв. [51, С. 183, 353].

Костяная фигурка музыканта, предположительно из комплекта шахмат, найдена в Волковыске в слое XII в. Она изображает мужчину, левой рукой удерживающего ударный инструмент, похожий на барабан. В правой руке музыкант держит палочку-колотушку. Изображенный инструмент атрибутирован как древнерусский «бубен» [51, С. 185; 14, С. 276].

Рассмотренные свидетельства древнерусских источников говорят о том, что в XII – начале XIII вв. практика использования военной музыки проникает в городскую жизнь, включая военные церемонии при выходе в поход, и сопровождает отдельные этапы сражений, в особенности построение перед боем [45, С. 24-25]. Во время построения войск звучание труб и других аэрофонов дополняется звуками ударных инструментов.

В европейской музыкальной культуре в этот период также придается большое значение военной музыке [15, С. 186-187; 98, С. 74].

Так, по словам хрониста Ричарда из Девизеса, во время Третьего Крестового похода, в 1190 г. впереди короля Ричарда I Львиное Сердце ехал знаменосец, несший традиционное английское военное знамя с изображением дракона, а вслед за королем звуки трубы воодушевляли армию (“*clangor tubae post regera movet exercitum*”) [93, С. 244; 87, С. 18; 89, С. 23-24].

Итальянский монах-францисканец Салимбене Пармский в своей «Хронике» пишет о событиях 1247 г.: “И вот, когда в лето Господне 1247 король Энцо, находившийся с кременцами при осаде Квинцано, услышал, что изгнанные императором, отцом его, жившие в Пьяченце, стремительно вошли в Парму, “опустились руки его” (2 Цар 4, 1), и он, сняв осаду Квинцано, поспешил в путь, и всю ночь он шел не с пением, но под молчаливые вздохи, как обычно возвращается с войны войско, потерпевшее поражение (*non cantando, sed sub silentio gemebundo, veluti cum exercitus post fugam solet reverti de bello*)” [58, С. 211; 101, С. 278-279].

По мнению Дж.С. Бедбрука, в Европе в XII-XIII вв. сложились два особых типа ансамблей музыкальных инструментов: один для исполнения музыки на открытом воздухе, в состав которого могли входить трубы, шалмеи и барабаны, и другой, – для музицирования под крышей, – в который могли включаться щипковые и смычковые струнные инструменты, а также флейта [84, С. 57-58].

Ансамбль первого типа мог звучать и при феодальном дворе, и в военном походе [98, С. 43-46, 73-75]. В конце XIII в. французский теоретик музыки Иоанн Грокейо назвал тимпан и трубу (*tympanum et tuba*) как музыкальные инструменты, подходящие для торжеств (*festis*), копейных состязаний (*hastiludiis*) и турниров, поскольку своим звучанием они сильнее приводят в движение дух людей [100, С. 29-31; 84, С. 57].

Э.А. Боулс в своем исследовании иерархии музыкальных инструментов в феодальной Европе приходит к заключению, что в военно-аристократической культуре высшей знати таким инструментам, как рог, труба и барабан, придавалось исключительное значение. Музыканты, игравшие на этих инструментах, несли службу в военной свите, отделяясь тем самым от простых музыкантов [85, С. 156-160].

Общее сопоставление свидетельств источников позволяет предположить, что на Руси в XII – XIII в. при княжеских дворах существовали музыкальные коллективы, которые участвовали в военных походах и могли привлекаться для городских церемоний при выходе в поход. Для воодушевления войск использовались сигналы, звучавшие при сборе перед походом и при построении перед сражением. Кроме того, исполнение военной музыки при построении, или в походе при приближении к месту расположения неприятельских сил использовалось для устрашения противника.

Подобные музыкальные коллективы были распространены и при военных свитах европейской знати в названный период. В византийском войске, как и ранее, применялась военная музыка.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что распространение военной музыки на Руси происходило постепенно.

В X-XI в. на Руси звучали, по меньшей мере, военные трубы. Дружинникам были известны военные хитрости с применением звуков трубы. Применение таких военных хитростей было знакомо и в Чехии. Представления о применении труб в походах и при осадах городов выявляются как в Повести, так и в текстах европейских хронистов.

В XII-XIII вв. военная музыка звучит в войсках князей различных древнерусских земель. При этом расширяется номенклатура упоминаемых музыкальных инструментов. Кроме труб, предположительно использовались дудки, в некоторых источниках упоминаемые как “сопели”. Появляются упоминания “бубнов”, то есть разновидности барабанов, – ударных инструментов, звучавших наряду с трубами. Музыкальные сигналы звучат при сборе войска перед походом, а также при подходе к рубежу обороны города. Звуки трубы при построении перед сражением звучали в отрядах, возглавляемых князьями, что подтверждается и свидетельством «Ливонской хроники». Значение музыкальных сигналов Опыт сравнительного изучения позволяет сделать вывод о том, что древнерусские обычаи применения военной музыки складывались в русле общеевропейской традиции.

Библиография

1. Анна Комнина. Алексиада. М.: Наука, 1965. 688 с.
2. Банников А.В. Вегетий и император. СПб.: Евразия, 2020. 224 с.
3. Банников А.В. Римская военная система передачи команд, сигналов и сообщений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014. №1. С. 60-70.
4. Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя 1998. 315 [2] с.
5. Брюнель-Лобришон Ж., Дюамель-Амадо К. Повседневная жизнь трубадуров XII-XIII вв. М.: Молодая гвардия, 2003. 414 с.
6. Виноградова В.Л. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 6. Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1984. 278 с.
7. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Военная типография 1841. 200, CLXV с.
8. Галл Аноним. Хроника и деяния князей, или правителей, польских // Козьма Пражский. Чешская хроника. Галл Аноним. Хроника и деяния князей, или правителей, польских. Рязань, 2009. С. 265-385.
9. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М., Л.: Издательство АН СССР, 1938. 608 с.
10. Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб.: Алетейя, 1995. 334 с.
11. Гиппиус А.А. До и после начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX-X веках: археологическая панорама. М., Вологда: Древности Севера 2012. С. 37-63.
12. Горский А.А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. М., Российская академия наук, Институт Российской истории. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2019. 416 с.
13. Грубер Р.И. История музыкальной культуры. Т. 1. С древнейших времен до конца XVI в. М., Л.: Государственное музыкальное издательство, 1941. 593 с.
14. Гуревич Ф.Д. Изображения музыкантов Древней Руси. // Советская археология. 1965. №2. С. 276-280.
15. Даркевич В.П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX – XVI вв. М.: Индрик, 2006. 432 с.
16. Демина Н.А. «Отражение поэтической образности в древнерусской живописи (на примере иконы «Георгий-воин» XI-XII веков)» // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. [Т. 6]. М.: Наука, 1972. С. 7-24.
17. Деяния франков и прочих иерусалимцев. Перевод на русский язык и комментарий: учебно-методическое пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2010. 251 с.
18. Добровольский Д.А. «Теория казней Божьих»: от Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2011. С. 144-154.

19. Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского. // ТОДРЛ. Т. V. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. С. 159-184.
20. Еремин Н.С. Оркестры духовых музыкальных инструментов в истории России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. №4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/orkestry-duhovyh-muzykalnyh-instrumentov-v-istorii-rossii> (дата обращения: 24.11.2021).
21. Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В XX книгах. Кн. I-III: Семь свободных искусств. СПб.: Евразия, 2006. 352 с.
22. История литературы Италии. Т. 1. Средние века. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 592 с.
23. Капсалыкова К.М. Представления о войне и армии в Византии (середина IX – середина XI вв.). Екатеринбург, 2017. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. На правах рукописи.
24. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 т. Т. 1, 2-3. М.: Наука, 1989-1991.
25. Карпов А.Ю. Русская Церковь X-XIII вв. Биографический словарь. М.: Квадрига, 2019. 472 с.
26. Келдыш Ю.В. История русской музыки. В 10 т. Т. 1. Древняя Русь XI – XVII века. М.: Музыка, 1983. 381, [2] с., [4] л. ил.
27. Кириллин В.М. О таинственном содержании «Сказания о Мамаевом побоище» в русской средневековой культуре // Вестник славянских культур. 2008. Т. 1-2 (IX). С. 121-138.
28. Клименко А.Е. Духовые инструменты в военной музыке Древней Руси // Южно-Российский музыкальный альманах. 2019. №2. С. 11-17.
29. Козьма Пражский. Чешская хроника // Козьма Пражский. Чешская хроника. Галл Аноним. Хроника и деяния князей, или правителей, польских. Рязань, 2009. С. 9-177.
30. Коляда Е.И. Музыкальные инструменты в Библии = Musical instruments in the Bible : Энциклопедия. М.: Композитор, 2003. 400 с.
31. Константин Багрянородный. Военная речь императора Константина // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XVI (V). Серия А. 2015. С. 153-155.
32. Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. 416 с.
33. Копылов А.Ф. Борьба императора Генриха V с церковью по поводу вопроса об инвестиатуре. Варшава: тип. Яворского, 1865. VIII, 208 с.
34. Косых А.М., Яценко С.А. Образы музыкантов в новгородском и псковском изобразительном искусстве XIII-XV вв. (костюм и музыкальные инструменты) // Новгород и Новгородская земля. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского. Вып. 27. Великий Новгород, 2013 г. С. 190-199.
35. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер СПб, 2018. 352 с.
36. Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески XI-XV вв. М.: Искусство, 1973. 456, XV с.: ил.
37. Лев VI Мудрый. Тактика Льва. СПб.: Алетейя, 2012. 367 с. Мещерский Н.А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М., Л.: Издательство АН СССР, 1958. 578 с.
38. Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. Т. 34. С. 96-115.
39. Люшер А. Французское общество времен Филиппа Августа. СПб.: Евразия, 2018. 410 с.
40. МакГир Э. Две военные речи императора Константина (перевод Д. Г. Тенниковой и В. В. Хапаева) // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XVI (V). Серия А. 2015. С. 149-166.

41. Манн Р. Свадебные мотивы в «Слове о полку Игореве». // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 38: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л.: Наука, 1985. С. 514-519.
42. Мещерский Н.А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М., Л.: Издательство АН СССР, 1958. 578 с.
43. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 780 с.
44. Новалезская хроника. Кн. III. // Восточная Литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Novalicense/text3.phtml (дата обращения: 03.11.2021).
45. Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в). М.: Университетская типография, 1902. 50 с.
46. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
47. Первый Ватиканский Мифограф. СПб.: Алетейя, 2000. 294 с.
48. Пивоварова Н.В. «Страшный суд» в памятниках древнерусской монументальной живописи второй половины XII в. // Дмитриевский собор во Владимире. К 800-летию создания. М.: Модус граффити, 1997. С. 128-146.
49. Плугин В.А. Фрески Дмитриевского собора. Л.: Аврора, 1974. 13 с., 14 л. ил.
50. Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
51. Поветкин В.И. Музыкальные инструменты // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 179-185.
52. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. В 7 т. Т. VII. М., 1846-1856.
53. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Ч. 1-3. Л.: Издательство АН СССР, 1926–1928.
54. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908.
55. Рабинович М.Г. Из истории русского оружия IX – XV вв. // Труды института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Вып. I. М., Л., 1947. С. 65-97.
56. Рабинович М.Г. Музыкальные инструменты в войске древней Руси и народные музыкальные инструменты. // Советская этнография. 1946. №4. С. 142-160.
57. Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб.: Общество классической филологии и педагогики, 1885. 1552 с.
58. Салимбене де Адам. Хроника. М.: РОССПЭН, 2004. 979 с.
59. Сапонов М.А. Менестрели. Книга о музыке средневековой Европы. М.: Классика-XXI, 2004. 398 с.
60. Селезнев Ю.В. Княжеские усобицы в Древней Руси. М.: Руниверс, 2018. 240 с.
61. Свердлов М.Б. Мирские реалии в житии Феодосия Печерского. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. №2 (84). С. 7-14.
62. Скворцов А.И. Наследие земли Владимирской. Монументальная живопись. М.: Памятники Отечества, 2004. 284 с.
63. Слово о полку Игореве. М., Л.: Издательство АН СССР, 1950. 483 с.
64. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. 1 (Т. 1, 2). М.: 1959.
65. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1-3. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893-1912.

66. Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X-XI веках. М.: Индрик, 2012. 656 с.
67. Стратегикон Маврикия. СПб.: Алетейя, 2014. 242 с.
68. Творогов О.В. Слово о полку Игореве // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI-первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 435-437
69. Творогов О.В. Феодосий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 457-459.
70. Творогов О.В. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI-первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 214-215
71. Тоцкая И.Ф., Заярузный А.М. Музыканты на фреске «Скоморохи» в Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. М.: Наука, 1988. С. 143-155.
72. Успенский сборник XII – XIII вв. М.: Наука, 1971. 754 с.
73. Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. Вып. 1. М., Л.: Государственное издательство. Музсектор. 1928. 103 (VIII) с.
74. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркеттики. Вегеций. СПб.: Алетейя, 1996.
75. Фомина М.С. Златоструй // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI-первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 187-190.
76. Фронтин Секст Юлий. Стратегемы. Военные хитрости. М.: Белые альвы, 2003. 158 с.
77. Фультхерий Шартрский. Иерусалимская история. СПб.: Евразия, 2020. 368 с.
78. Хапаев В.В., Тенникова Д.Г. Две военные речи императора Константина: предисловие к переводу // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XVI (V). Серия А. 2015. С. 145-148.
79. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. 372 с.
80. Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 4. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. С. 9-150.
81. A Database of Crusaders to the Holy Land 1095 – 1149 [Просопографическая база данных об участниках крестовых походов в Святую землю в 1095 – 1149 гг.: электронный ресурс] URL: <https://www.dhi.ac.uk/crusaders/> (дата обращения: 24.11.2021).
82. Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète // Travaux et memoires. Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines. Paris. 1967. № 2. Pp. 393–404.
83. Anonymi Gesta francorum et aliorum Hierosolymetanorum. Oxford: Clarindon Press, 1924.
84. Bedbrook G.S. The Problem of Instrumental Combination in the Middle Ages // Revue belge de Musicologie / Belgisch Tijdschrift voor Muziekwetenschap. 1971. Vol. 25, No. 1/4 (1971). Pp. 53-67. DOI:10.2307/3686179
85. Bowles E.A. La hiérarchie des instruments de musique dans l'Europe féodale // Revue de Musicologie. 1958. Dec. T. 42. No. 118 (Dec., 1958). Pp. 155-169. DOI:10.2307/927773
86. Büchler A. Horns and trumpets in Byzantium: images and texts // Historic brass society journal. 2000. Vol. 12. Pp. 23-60.
87. Chronicle of Richard of Devizes, concerning the Deeds of King Richard the First, King of England... // Chronicles of the Crusades, bring contemporary narratives of the Crusade of Richard Coeur de Lion, by Richard of Devizes and Geoffrey de Vinsauf; and of the Crusade of Saint Louis, by Lord John de Joinville. London, 1848. Pp. 1-64.
88. Chronicon // Monumenta novaliciensia vetustiora; raccolta degli atti e delle cronache riguardanti l'abbazia della Novalesa. Vol. II. Roma: 1901. Pp. 3-306.

89. Chronicon Ricardi Divisiensis de rebus gestis Ricardi Primi regis Angliae. London: Sumptibus Societatis, 1838.
90. Cosmae Pragensis Chronica Boemorum. Berlin: Weidmannsche buchhandlung, 1923. 296 p.
91. Du Cange C. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1883-1887.
92. Gleason B.P. Cavalry Trumpet and Kettledrum Practice from the Time of the Celts and Romans to the Renaissance // *The Galpin Society Journal*. 2008. Vol. 61. Apr. Pp. 231-239, 251. DOI:10.11606/ISSN.2447-7117.RT.2015.107695
93. Farmer H.G. Crusading Martial Music // *Music & Letters*. 1949. Vol. 30. No. 3 (Jul.). Pp. 243-249. DOI:10.1093/ml/xxx.3.243
94. Jorgensen A. The Trumpet and the Wolf: Noises of Battle in Old English Poetry // *Oral Tradition*. 2009. Vol. 24. No 2, October. Pp. 319-336. DOI:10.1353/ORT.0.0051
95. Maleczyński K. Bolesław III Krzywousty. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1975. 374 p.
96. Maleczyński K. (ed.), Galli Anonymi Cronica et Gesta Ducum sive Principum Polonorum/ Anonima tzw. Galla Kronika Czyli Dzieje Książąt i Władców Polskich, Kraków: Nakł. Polskiej Akad. Umiejętności, 1952. 198 p.
97. McGeer E. Two military orations of Constantine VII // *Byzantine authors: texts and translations dedicated to the memory of Nicolas Oikonomides*. Leiden–Boston: Brill, 2003. Pp. 111–135. DOI:10.1163/9789047402015_009
98. Menendez Pidal R. Poesia juglaresca y origenes de las literaturas romanicas. Madrid: Instituto de Estudios Políticos, 1957. 413 p.
99. Meucci R. Roman military Instruments and the Lituus // *The Galpin Society Journal*. 1989. Vol. 42 (Aug). Pp. 85–97. DOI:10.2307/842625
100. Page C. Johannes de Grocheio on secular music: a corrected text and a new translation // *Plainsong & Medieval Music*. 1993. April. Vol. 2. Issue 1. Pp. 17-41. DOI:10.1017/S0961137100000401
101. Salimbene de Adam. Cronica, a cura di Giuseppe Scalia. 2 vol. Bari: Laterza, 1966.
102. Speidel M.P. Eagle-Bearer and Trumpeter // *Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn*. Bd. 176. Bonn, 1976. Pp. 123-163. DOI:10.11588/bjb.1976.1.80236
103. Zechner H. Musikarchäologische Funde aus der Römerzeit – Ein Survey in Rheinhessen // *Berichte zur Archäologie in Rheinhessen und Umgebung*. Jahrgang 3. Mainz: Druckerei des AStA der Uni Mainz, 2010. Pp. 93-109.

**"THE RATI IS NECESSARY AND THE PIPE OF THE MILITARY BREAKERS":
MUSICAL INSTRUMENTS IN THE MILITARY ACTIVITY
OF PRE-MONGOLIAN RUSSIA**

Chasovitina O.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article deals with the history of the military music of Ancient Russia in the pre-Mongolian period. Based on the material of ancient Russian chronicles and literary monuments, considered in comparison with the news of foreign chronicles, the main stages in the development of musical culture in the military sphere are revealed.

Key words: Ancient Russia, pre-Mongolian period, military music, musical instruments.